

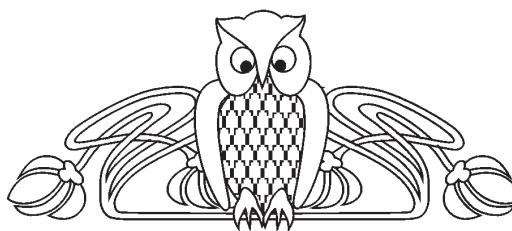

УДК 316.344.3

ЭТНОС, ЭНДОГАМИЯ, КРОВНОРОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

В. И. Бегинин, Х. Б. Тадтаев

Саратовский государственный аграрный университет
имени Н. И. Вавилова
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru, Tadtaew@yandex.ru

В статье анализируются проблемы этноса, эндогамии и кровного родства. Эндогамия и чувство кровного родства рассматриваются как особенности этноса, которые невозможно абсолютизировать. Отсутствие мифа об общем происхождении этноса не всегда оказывается помехой в формировании этнической общности. **Ключевые слова:** этнос, этничность, эндогамия, этнические признаки, кровное родство, этническое самосознание.

Ethnos, Endogamy, Blood Relationship

V. I. Beginin, H. B. Tadtaev

The problems of ethnos, endogamy and consanguinity are being analyzed in the article. Endogamy and the feeling of blood relationship are being considered as a peculiarity of a specific ethnos and they cannot be made absolute for all ethnic groups. Absence of the myth of the ethnos common origin is not always an obstacle to ethnos formation.

Key words: ethnos, ethnicity, endogamy, ethnic characteristics, consanguinity, ethnic self-consciousness.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-269-273

Проблема этноса и этничности остается как в отечественной, так и зарубежной социогуманитарной литературе дискуссионной. Точки зрения не только не сближаются, но становятся диаметрально противоположными. Так, В. А. Тишков в работе «Реквием по этносу» предлагает отказаться от «научно несостоятельного термина этнос»¹. Очевидно, что отказ от термина «этнос» не решает проблемы.

Совершенно иную позицию занимает С. Е. Рыбаков. Признавая объективное существование этнических общностей, он уверен в принципиальной невозможности определения этноса через перечисление этнических признаков. «Любой из признаков (культура, язык, психологический склад и т. п.) – на самом деле самостоятельный феномен, несомненно, имеющий связи с этносом, но точно такие же связи имеющий со множеством иных общностей»².

Разумеется, любая точка зрения имеет право на существование, и единственным критерием жизнеспособности выступает ее аргументированность. Логика мышления С. Е. Рыбакова безупречна, однако с некоторыми аргументами (или их отсутствием) согласиться невозможно. С. Е. Рыбаков уверен, что в целом этнос выступает как общность родственников, самосозна-

ние и социальное поведение которых покоится на фундаменте «своего, родного». Члены этноса не просто чувствуют себя родственниками, а объективно являются таковыми. Сам термин «родство» в отечественной философской литературе имеет различное толкование, смысл. Так, Н. Ф. Федоров приоритетным, «настоящим» считал родство биологическое (родители – дети и т. д.), а Н. А. Бердяев считал главным духовное (в определенной мере религиозное) родство, а биологическое – помехой родству духовному. Однако совершенно очевидно, что С. Е. Рыбаков под родством однозначно понимает родство биологическое. В этой связи не совсем обоснованным представляется утверждение, что «признание очевидного факта произрастания феномена этничности из расширенного родства и популяционного единства, – это никакое не “биологизаторство”, ведь никто же не объявляет семью “биологической ячейкой” на тех основаниях, что данный институт построен на половых и близкородственных связях и что дети имеют обыкновенно появляться всем известным способом»³. Если главным (именно главным) объединяющим фактором этноса считать биологическое родство, то отказ от «биологизаторства» представляется условным и даже излишним.

Возникает вопрос: насколько убедительно и доказательно утверждение о родственной общности членов этноса? Возможно ли в принципе рассматривать этнос как популяционное единство?

Если единственным источником истины считать мнение отдельных (именно отдельных) западноевропейских или североамериканских исследователей, то биологизация этноса вполне вероятна и даже необходима. Наряду с именами, перечисленными по определенной иерархии в работах С. Е. Рыбакова, можно обратиться к работам авторитетного американского исследователя, автора ряда книг по проблемам этничности, социобиолога Пьера Ванденберга, который предлагает широкую социобиологическую перспективу изучения человеческого поведения вообще и этничности в частности. В работе «Феномен этничности» он утверждает, что «этнические и расовые чувства являются продолжением родственных чувств. Этноцентризм и расизм, таким образом, оказываются расширенными фор-

мами непопизма»⁴. В таком случае этничность оказывается расширенной родственностью, и происхождение считается главной чертой этничности. Однако как социобиологу Ванденбергу достаточно очевидным представляется и то, что в ряде случаев общность происхождения, приписываемая этнической группе, может оказаться фиктивной. И даже в ограниченных родственных группах нередки случаи вымышленного происхождения. «Если даже в ограниченном кругу ядерной семьи, – пишет Ванденберг, – родство может оказаться биологической фикцией, то совсем не удивительно, что расширенное родство, предполагаемое этничностью, часто оказывается мнимым. Чем больше этническая группа, тем выше вероятность такой ситуации»⁵. Этничность не предполагает обязательной кровнородственной связи между членами одной и той же этнической группы. В таком случае возникает вопрос: почему в ситуации достаточно высокой возможности мнимого родства внутри этнических групп именно идея родства оказывается вполне заслуживающей доверия и скрепляющей представления об этнической солидарности? Конкретные ситуации в сфере этнической солидарности бывают различными, и часто миф мнимого родства оказывается невостребованным, неактуальным. Социальное исследование, проведенное в 2003 г. в Шотландии, где этническая проблема весьма простая, показало, что 70% опрошенных согласны считать цветного человека, живущего в Шотландии, шотландцем, если он говорит с шотландским акцентом и утверждает, что он шотландец⁶.

Нельзя не заметить, что этнические чувства часто выглядят иррациональными в силу того, что оказываются движимыми собственными внутренними силами. При анализе понятия «этничность» часто наблюдается смешение расового и этнического. Так, Р. Джексон (сотрудник университета Британской Колумбии) на основе методологии концептуального анализа, предложенной одним из крупнейших специалистов в современной этнологии Дж. Сартори, изучая понятие этничности, пришел к выводу, что одним из главных «этнических индикаторов» являются расовые особенности людей. «Если для спецификации этносов в предметном отношении необходимы расовые признаки, – писал Р. Джексон, – то наиболее важным для социальной науки следует признать исследование субъективной осведомленности населения о собственных этнических отличиях»⁷. Одновременно с расовыми особенностями существенными «этническими индикаторами» Р. Джексон считает также различия в языке, религиях и обычаях. Соотношение расового и этнического является предметом особого исследования, однако примечательно, что при семантическом определении понятия «этнос» Р. Джексон рассматривает биологические факторы (расовые) и социокультурные (язык, религия, обычаи) в симбиозе.

В определенной степени этничностью можно манипулировать. Проблема может варьироваться от абсурдно-комичной⁸ до трагедии. Хотя память о предках никогда не была привилегией дворянства, но по вполне понятным причинам для титулованной части населения родословие имело особое значение. Долгое время древность и знатность рода от рождения определяли принадлежность к той или иной группе служилого сословия. В силу данного обстоятельства в России (как некогда и в ряде других стран) родословие дворянства имело богатую традицию. Уже в Средневековье была предпринята попытка создания официального родословного справочника «Государев родословец» (1555). Со временем возникает так называемая «Бархатная книга», родословные тщательно проверяли. Попытки любого подлога, а такие случаи были не редкостью, не только порицались, но и карались. При скрупулезном анализе родословной русской знати получаем весьма интересный эмпирический материал – 70% высшей знати имеет неславянские корни⁹ (именно неславянские, а не просто нерусские). Среди этого множества доминируют германские, литовские (прежде всего Гедиминовичи), татарские и другие корни. Разумеется, представители русской знати роднились между собой, но необходимо говорить не только о внутрирусском родстве, а о более широком – общечеловеческом родстве. Русская знать в этом отношении не исключение. Полиэтничность родословной – характерная черта и грузинской, и польской, и английской, и персидской, и т. д. знати.

Совершенно очевидно, что знать не составляет большинство этноса, и возникает вопрос: быть может, для простого народа не характерно межэтническое смешение? Проблему межрасового и межэтнического смешения мы конкретно проанализируем в дальнейшем, здесь же обратимся к наиболее доступному и в то же время надежному эмпирическому материалу – официальным данным переписи населения. Этот материал показывает, что «этническая эндогамия», т. е. преимущественное заключение браков внутри каждого этноса, – факт очевидный. Этническая эндогамия выполняет существенную роль в сохранении самосознания и воспроизводстве культуры. Более того, как убедительно показал Ю. В. Бромлей еще в 70-х гг. прошлого столетия, так называемый прорыв эндогамии этноса¹⁰, когда число межэтнических браков постоянно превалирует над моноэтническими браками, приводит к частичной и даже полной ассимиляции этноса. Но этническая эндогамия носит весьма относительный характер и не исключает значительной доли межэтнических браков. Так, в бывшем СССР доля смешанных семей постоянно возрастала: в 1959 г. – 10,2%, в 1970 г. – 13,5%, в 1979 г. – 14,9%¹¹. Разумеется, доля межэтнических браков зависит не только от доброй воли

вступающих в брак. Существенное значение имеет большое количество факторов. История знает множество попыток запретить межэтнические браки, абсолютизировать этническую эндогамию, однако результативность таких запретов всегда оказывалась относительной. Общеизвестно негативное отношение в бывшем СССР к бракам с гражданами зарубежных стран в течение продолжительного периода времени, но такие браки все же заключались и не являлись абсолютной редкостью, хотя их доля численно несопоставима с межэтническими браками внутри страны. Известно политическое и даже вооруженное противостояние между Грузией и Южной Осетией в последние два десятилетия. Ослабление противостояния после вооруженной агрессии Грузии в августе 2008 г. носит относительный характер. Однако вооруженное противостояние не исключало браков между осетинами и грузинами, хотя их доля значительно меньше по сравнению с предшествующим периодом времени.

Рассматривая «этничность в контексте родственных связей», игнорируется объект исследования – этнос и сознание людей, составляющих этнос. В последнее три десятилетие в России (в данном случае мы сознательно игнорируем западный материал ввиду его специфики) проведено множество социологических исследований общественного мнения с целью определения основных признаков, факторов этнической самоидентификации. Одно из первых значительных исследований подобного рода реализовано под руководством Ю. В. Арутюняна еще в 1990 г. На конкретный вопрос «Что роднит Вас со своим народом?» в Москве, Таллинне и Ташкенте давали различные ответы¹². По иерархии ответы распределились следующим образом: язык, культура (образ жизни, обычаи обряды), черты характера, исторические судьбы и т. д. «Кровное» родство не пользуется приоритетом при определении этнической самоидентификации. Анализ большинства социологических исследований показывает, что «кровное» родство воспринимается как нечто экзотическое, но не более. Даже относительно небольшие этносы невозможно характеризовать как ограниченный круг родственников.

Исследователь этногенеза народов Сибири Л. Я. Штернберг в начале XX в. показал сложный процесс межэтнических отношений малых народов Севера: «Перепиывая гиляков (нивхов), я тщательно собирал сведения, предания о происхождении каждого рода в отдельности. Изучение этих данных привело меня к странному выводу, что основателями громадного большинства ныне существующих родов были не гиляки, а представители соседних племен. Это обычное явление и теперь (начало XX в. – Т. Х.), что отдельные личности по тем или другим причинам покидают родное племя и, убегая от преследова-

ний или неудач на родине, ищут убежище среди соседнего чужого племени. Здесь они находят традиционное гостеприимство, оседают, женятся»¹³. Этот вывод абсолютно противоречил установившейся ранее традиции считать нивхов «чистыми» палеоазиатами. Уже в середине XX в. А. В. Смоляк в работе «Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина» убедительно показала, что нивхи не исключение, и у всех народов данного региона (нивхи, ульчи, нанайцы, орочи, удэгейцы, негидальцы, ороки, эвенки, айны) «самые сочные, цветущие и многочисленные роды – потомки именно пришельцев»¹⁴.

В истории этногенеза нередки случаи, когда представители определенной части этноса (или субэтноса) чаще вступают в брак с представителями соседнего этноса, нежели с представителями своего народа. Так, молодые люди из Северной Италии из поколения в поколение чаще вступают в брак с французами, нежели со своими соотечественниками из Южной Италии¹⁵. Аналогичное (или почти аналогичное) положение сложилось в Южной Осетии, где также из поколения в поколение браки заключались значительно с грузинами, нежели с представителями Северной Осетии. Статистика убедительно показывает, что в Саранске (столица Мордовии) количество межэтнических браков (58,9%) значительно превосходит моноэтнические браки, где муж и жена принадлежат к мордовскому (мордовским) этносу.

В силу объективных и субъективных факторов межэтнические браки заключаются в определенных полиэтнических регионах. Интересный материал собрала этнографическая экспедиция в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе Китая в 2012 г. «Среди тувинцев Синьцзяня из-за их малочисленности почти каждый по отношению к другому является родственником или свойственником. При этом существует запрет брачных отношений (тув алышпас) внутри одного рода и между кровными и близкими родственниками до 6–7 колена»¹⁶. Молодые тувинцы вынуждены вступать в брак с уйгурами, казахами, монголами и т. д.

Эндогамию нельзя абсолютизировать и по той простой причине, что в классовом обществе браки между представителями различных классов не приветствовались. Анализ дворянских родов Российской империи убеждает, что брак между представителем знати и крестьянкой был редчайшим явлением, исключением из правил. Такой брак рассматривался как «эпохальное» событие (достаточно вспомнить брак выдающейся крепостной певицы П. И. Жемчуговой (настоящая фамилия Ковалева) с графом Н. П. Шереметевым). Такие браки не только подвергались общественному порицанию, но и противоречили законодательству. При этом браки между представителями русской знати и представителями знати других этносов не только не запрещались

законодательством, но поощрялись общественным мнением. Кастовая система в Индии (и не только в Индии) создала непроницаемые перегородки между представителями различных каст, и межкастовые браки внутри одного этноса были исключены. При этом межэтнические браки внутри одной касты и не запрещались, и не осуждались общественным мнением. Положение в современной Индии в этом вопросе радикально не изменилось. Даже миф об общем происхождении этноса не всегда оказывается необходимым и обязательным. Общность происхождения различных каст одного этноса противоречит как древней «Ригведе», так и современному индуизму. Признание различия происхождения каст является обязательным элементом для большинства этносов Индии.

Показательно, что русская знать также стремилась подчеркнуть свое нерусское и даже неславянское происхождение. И такой поиск мог увенчаться «успехом» или привести к различным конфузам. Иван Грозный в письме к шведскому королю, обращаясь к своей родословной, уверенно заявляет: «...мы употребляем печать Римского царства: нет, собственно нашу, прародительскую. Впрочем, и Римская не есть для нас чуждая: ибо мы приходим от Августа Кесаря»¹⁷. Следует заметить, что при необходимости тот же Иван Грозный обращался к другим истокам родословной. Так, в беседе с ливонцами «славился своим ливонским происхождением»¹⁸. Таким образом, миф о единстве происхождения не всегда оказывается столь необходимым для этноса.

Разумеется, философию этноса невозможно строить на чисто эмпирическом материале, но игнорирование подобного материала приводит к совершенно абстрактным умозрительным построениям, где научная аргументация подменяется непримиримостью позиций, и создаются «прекрасные» условия для наукоподобных спекуляций. «Кровное» родство в определении этноса оказывается мифом. Нельзя не согласиться с мыслью Е. И. Филипповой, что любой этнос «нуждается в основополагающем мифе, придающем легитимность самому его существованию и оправдывающем притязания на национальную территорию»¹⁹. Для французского этноса в основании этого мифа лежит галльский субстрат, составляющий важнейший элемент, который определяет французскую идентичность.

В исторической литературе субстратом этногенеза великороссов по праву считается славянский проторусский субэтнос, однако этот процесс охватил огромное множество финно-угорских, прибалтийских и других племен. Парадоксально, но при внимательном анализе истории человечества в целом и отдельных этносов в частности возможно утверждение о «кровном» родстве человечества в целом, всех этносов. Совершенно очевидно, что миф о «кровном»

родстве не может служить основанием для биологизаторского истолкования этноса. О своем «кровном» родстве с еврейским народом уверенно заявляют караимы – народ, небольшими группами живущий в Крыму, Литве и т. д. (численность около 5 тысяч человек). Хотя совершенно очевидно, что они потомки тюркских племен, некогда живших в степях Причерноморья. Убеждены в «кровном» родстве с древними евреями, а следовательно, и с современными, и таты – народ, живущий преимущественно в Азербайджане и Дагестане (общая численность около 20 тысяч человек). Однако исторически зафиксировано, что они в основном потомки переселенцев из Персии. И в первом, и во втором случаях общим является религия – иудаизм, но не историческое происхождение.

Анализ истории формирования многих этносов показывает, что миф «общности предков» и «кровного родства» не всегда востребован. Отсутствие такого мифа не является препятствием к осознанию этнической общности.

Если французы северных провинций считают своими предками прежде всего германские племена – франков, то уроженцы южных провинций ведут свое происхождение от кельтских племен – галлов и римлян, коренные уроженцы Нормандии считают себя потомками воинственных грабителей – норманнов, приплывших из далекой Скандинавии и осевших на севере Франции.

Уже в период раннего Средневековья германоязычные франки слились с местным галло-римским населением. Однако в результате этнического слияния франков и германцев образовалась не одна народность, а две: северо-французская и южно-французская, или провансальская. Северо-французская народность населяла большую часть северной Франции и говорила на различных диалектах романских языков (нормандском, пикардском, французском т. д.). Южно-французская (провансальская) народность также говорила на родственных романских языках (лимузенском, гасконском, верхне- и нижнеовернонском, лангедокском и т. д.). Лишь во второй половине XV в. завершается процесс естественного слияния этих народностей в единую. Процесс образования единой народности во Франции был замедлен в IX–XI вв. феодальной раздробленностью, сопровождавшейся бесконечными феодальными усобицами, а затем упорной, продолжительной борьбой французского народа с английскими завоевателями (Столетняя война 1337–1453 гг.), которая велась на территории Франции.

Процесс образования централизованного государства часто сопровождался жестокими боями. Особой жестокостью отличались Альбигойские войны (1209–1229 гг.), в результате которых фактически независимое Тулузское графство было включено в состав королевско-

го домена. Для покорения Тулузского графства был объявлен крестовый поход, в котором приняло участие большинство северофранцузского рыцарства. Цветущие города южной Франции в результате этого похода подверглись жесткому разгрому. Отголоски этой былой вражды можно почувствовать во Франции даже в наше время на уровне бытовой жизни.

Сегодня французы считаются самым монолитным этносом Западной Европы, но этнические различия между населением разных провинций Франции сохранились. Несмотря на миграционные процессы, вряд ли эти различия в обозримом будущем исчезнут. Этническая «мозаичность» благоприятствует жизнеспособности этноса, не противоречит этнической целостности. Сами французы убеждены, что разнообразие – «залог духовного богатства и свободы»²⁰.

В этом отношении французский этнос – исключение. В Испании и Италии, в Грузии и Венгрии этническая «мозаичность» более рельефна, но современные испанцы и итальянцы, грузины и венгры не озабочены поиском общих предков или всеобщего кровного родства. Такое положение не мешает относительной монолитности этносов при всей их «мозаичности».

Следовательно, при исследовании этнической общности не следует абсолютизировать фактор (или миф) кровного родства. Отсутствие мифа об общем происхождении этноса не всегда оказывается помехой в формировании этнической общности.

Примечания

- ¹ См.: Тишков В. А. Реквием по этносу : исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- ² Рыбаков С. Е. К вопросу об этническом феномене // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 2. С. 148.
- ³ Рыбаков С. Е. Этничность и этнос // Этнографический обзор. 2003. № 3. С. 21.
- ⁴ Vandenberghe P. L. The ethnic phenomenon. N.Y., etc. : Praeger, 1987. XIV. P. 19–20.
- ⁵ Ibid. P. 27.
- ⁶ См.: Macrone D. Cultural capital in an understated nation the case of Scotland // But. J. of sociology. L., 2005. Vol. 56, № 1. P. 65–82.
- ⁷ Gacson R. H. Ethnicity. Social science concepts. Beverly Hills, etc., 1984. P. 209.
- ⁷ Консервативный характер, замкнутость шотландских кланов – группы родственников, потомков единого

рода, члены которого носят имя предполагаемого родоначальника, общеизвестен с древнейших времен. Андрей Фатющенко, объездивший горную Шотландию, в статье «Хранители бессмертия» приводит любопытный рассказ главы шотландского клана-рода Мак Лаудов. Джон Мак Лауд: «Раз в 4 года в замке собираются члены нашего клана со всего мира – а это около 500 человек! Помню, на одну из таких встреч был приглашен музыкальный ансамбль, состоящий из 16 австралийских аборигенов. Во время небольшого перерыва я подошел к ним, чтобы поздороваться и познакомиться. Так вот, оказалось, что 11 из них – Мак Лауды! А ведь выглядят все, простите, совершеннейшими дикарями в набедренных повязках... Так что, несмотря на то, что все мы можем быть абсолютно разными, мы все равно – один клан, одна семья» (Фатющенко А. Хранители бессмертия // Вокруг света. 2004. № 8. С. 50). Как австралийские аборигены стали признанными (именно признанными) членами шотландского клана? Возможно ли считать аборигенов Австралии кровными родственниками шотландцев? При анализе любого этноса возникают аналогичные (или почти аналогичные) ситуации. Проверить, что в этом родстве превалирует о-родство кровное (биологическое) или духовное (социальное), представляется невозможным, и главное – нет в этом необходимости.

- ⁹ См.: Дворянские роды Российской империи : в 10 т. М., 1993–1998.
- ¹⁰ См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983.
- ¹¹ См.: Население СССР : справочник. М., 1983. С. 98.
- ¹² См.: Арутюнян Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Социс. 1990. № 7. С. 42–49.
- ¹³ Штернберг Л. Я. Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны. Хабаровск, 1993. С. 399.
- ¹⁴ Смоляк А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1975. С. 80.
- ¹⁵ См.: Le Bras H. Le sol et le sang. P. : L'Aube, 1994.
- ¹⁶ Айыжы Е. В., Конгу А. А. Тувинцы Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая (по материалам этнографической экспедиции в Синьцзянь-Уйгурский автономный район Китая) // Вестн. КемГУ. 2013. № 3 (55). Т. 1. С. 25.
- ¹⁷ Карамзин Н. М. История Государства Российского : в 12 т. Т. IX. М., 2000. С. 126.
- ¹⁸ Там же. С. 55.
- ¹⁹ Филиппова Е. И. Кровь или почва? (Что такое французская нация сегодня?) Интервью с Эрве Ле Брасом // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 96.
- ²⁰ Рубинский Ю. Французы у себя дома // Знамя. 1989. № 4. С. 148.